

пріятеля, несмотря на всю разницу ихъ характеровъ, ничѣмъ не разнились между собою. Я это понялъ (не безъ труда и поту) такъ, что оба они были дрянъ. Если вы хотѣли сказать это, мнѣ кажется, вы могли бы сказать и короче, и простѣе, и прямѣе, а то перехитрили, повели дѣло черезчуръ тонко, а гдѣ тонко, тамъ и рвется. Но все это не важно; по праву дружбы мы сами сократили и перемѣнили бы это мѣсто: вѣдь дружба на то и создана, чтобъ друзья при всякой возможности гадили своимъ друзьямъ, особенно за глаза, когда тѣ далеко. Сильно заинтересовала меня ваша повѣсть съ того мѣста, гдѣ герой утѣшаетъ горемычную вдову Прѣснову; письмо къ нему армейскаго его пріятеля привело меня въ восторгъ; встрѣча его со вдовой, пьяный извозчикъ, урезонившійся оплеухами, пребывавшие друзей на дачѣ у вдовы, сама вдова, ея тетки, ея гости, наконецъ, прогулка верхами сперва на двухъ лошадахъ, а потомъ на одной, ночное объясненіе друзей, все это прекрасно и превосходно; но конецъ повѣсти ни къ чорту не годится. Рассказъ армейскаго друга о его изгнаніи изъ деревни дѣлаетъ вдову совершенно непонятною, и слова обоихъ пріятелей: „она погибнетъ“, слова, которыя должны намекать на смыслъ всей повѣсти и быть ея заключительнымъ аккордомъ, ничего не объясняютъ и ничего не заключаютъ, и аккордъ дребезжитъ такими неладными звуками, какъ будто вы его не написали, а пропѣли, да еще вмѣстѣ съ Тургеневымъ — что еще сквернѣе, нежели когда каждый изъ васъ поетъ особю. Итакъ, конецъ повѣсти — пшикъ. Какъ хотите, а по моему мнѣнію, въ такомъ видѣ печатать ее не представляется никакой возможности. Чѣмъ выше будетъ удовольствіе читателей при чтеніи ея, тѣмъ болѣе они будутъ оскорблены ея неожиданно явлымъ и совершенно непонятнымъ концомъ. Мнѣ кажется, вы тутъ опять перетонили. Воля ваша, конецъ вы должны передѣлать, потому что жалъ бросать такую прекрасную вещь. Но вѣдь у васъ, я думаю, не осталось черновой! Такъ напишите намъ, прислать что ли вамъ назадъ. Бога ради не бросайте этой вещи: она такъ хороша; изъ нея видно, что вы во всемъ успѣваете и вамъ все дано, кромѣ пѣнія и калямбуровъ, отъ которыхъ снова дружески прошу васъ воздержаться. Съ чего вы это, батюшка, такъ превознесли „Лебедянь“ Тургенева? Это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ рассказовъ его, а послѣ вашихъ похвалъ онъ мнѣ показался даже довольно слабымъ. Цензура не вымарала изъ него ни единого слова, потому что рѣшительно нечего вычеркивать. „Малиновая вода“ мнѣ не очень понравилась, потому что я рѣшительно не понялъ Степушки. Въ „Уздномъ лѣкарѣ“ я не понялъ ни единого слова, и потому ничего не скажу о немъ; а вотъ моя жена такъ въ восторгѣ отъ него: бабѣ дѣло! Да вѣдь и Иванъ-то Сергѣевичъ — бабѣ порядочное! Во всѣхъ остальныхъ рассказахъ много хорошаго, мѣстами даже очень хорошаго, но вообще они мнѣ показались слабѣе прежнихъ. Больше другихъ мнѣ понравились „Бирюкъ“ и „Смерть“. Богатая вещь — фигура Татьяны Борисовны, недурна старшая дѣвица, но племянникъ мнѣ крайне не понравился, какъ списокъ съ Андрюши и Кириуши, на нихъ не похожій. Да воздержите вы этого милаго младенца отъ звуко-подражательной поэзіи: „Ррракаліонъ! Че-о-экъ!“ Пока это ничего, да я боюсь, чтобъ онъ не пересолить, какъ онъ пересаливаетъ въ употребленіи словъ

орловскаго языка, даже отъ себя употребляя слово: *зеленя*, которое такъ же бессмысленно, какъ *мясня* и *хлѣбена* вмѣсто мяса и хлѣба. А какую Дружининъ написалъ повѣсть новую — чудо! Тридцать лѣтъ разницы отъ „Полиньки Саксъ“! Онъ для женщинъ будетъ то же, что Герценъ для мужчинъ. „Сорока-воровка“ напечатана и прошла съ небольшими измѣненіями; несмотря на нихъ, мысль ярко показывается. Я и забыть, было, сказать, что вашу повѣсть прежде меня читалъ Боткинъ, и мы совершенно сошлись съ нимъ во мнѣніи о ней. Послѣдніе рассказы Тургенева всѣ безъ исключенія очень нравятся Боткину и всѣмъ нашимъ друзьямъ, публикѣ тожъ. „Сорока-воровка“ имѣла большой успѣхъ. Но повѣсть Дружинина не для всѣхъ писана, такъ же какъ и „Записки Крупова“. Не знаю, писалъ ли я вамъ, что Достоевскій написалъ повѣсть „Хозяйка“ — ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подболтавши немного Гоголя. Онъ и еще кое-что написалъ послѣ того, но каждое его новое произведеніе — новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о „Вѣднхъ людяхъ“. Я трепещу при мысли перечитать ихъ, — такъ легко читаются они! Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-гениемъ! О Тургеневѣ не говорю: онъ тутъ былъ самымъ собою, а ужъ обо мнѣ, старомъ чортѣ, безъ палки нечего и толковать. Я, первый критикъ, разыгралъ тутъ осла въ квадратѣ. Читаю теперь романы Вольтера и ежeminутно мысленно плюю въ рожу дураку, осла и скоту Луи-Влану. Изъ Руссо я только читалъ его „Исповѣдь“, и судя по ней, да и по причинѣ религіознаго обожанія ословъ, возымѣлъ сильное омерзеніе къ этому господину. Онъ такъ похожъ на Достоевскаго, который убѣжденъ глубоко, что все человечество завидуетъ ему и преслѣдуетъ его. Жизнь Руссо была мерзка, безправственна. Но что за благородная личность Вольтера! Какая горячая симпатія ко всему человѣческому, разумному, къ бѣдствіямъ простаго народа! Что онъ сдѣлалъ для человечества! Правда, онъ иногда называлъ народъ *vile populace*, но за то, что народъ невѣжественъ, суевѣренъ, изувѣръ, кровожаденъ, любитъ пытки и казни. Кстати: мой вѣрующій другъ и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я въ спорахъ съ вами о буржуазіи называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были уминый чловѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ ней одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль, какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная, аркадская мысль! Послѣ этого отчего же не предположить, что живущіе въ русскихъ лѣсахъ воли соединятся въ благоустроенное государство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституционную и, наконецъ, перейдутъ въ республику. Пій IX въ два года доказалъ, что значить великій чловѣкъ для своей земли. Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренний процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты,